

УДК 811.161.1'37

UDC 811.161.1'37

КОНЦЕПТ «ЛОЖЬ» («ОБМАН») В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

THE CONCEPT OF “LIE” (“DECEPTION”) IN THE POETRY OF MARINA TSVETAEVA

Е. В. Кожемяченко,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4753-8815>

E. Kozhemiachenko,
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Linguistics
and Linguodidactics, Belarusian
State Pedagogical University
named after Maxim Tank
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4753-8815>

Поступила в редакцию 26.03.2025.

Received on 26.03.2025.

В статье предпринята попытка проанализировать концепты «ложь» и «обман», рассмотреть их смысловый диапазон, языковые средства, которые использовала поэтесса, раскрыть смысловое наполнение, позволяющее определить особенности художественного мышления поэта, некоторые структурные закономерности в построении цветаявской модели мира. Концепт «ложь» представлен различными синтаксическими единицами, наполнен эмоциями: от прекрасного романтического чувства до всепоглощающей страсти, от светлого счастья до трагического одиночества.

Ключевые слова: М. Цветаева, концепт, поэзия, лексема, поэтический текст, картина мира, оппозиция.

The article attempts to analyze the concepts of “lie” and “deception”, to consider their semantic range, the linguistic means used by the poetess, to reveal the semantic content that allows us to determine the features of the poet’s artistic thinking, some structural patterns in the construction of Tsvetaeva’s model of the world. The concept of “lie” is represented by various syntactic units, filled with emotions: from a wonderful romantic feeling to an all-consuming passion, from bright happiness to tragic loneliness.

Keywords: M. Tsvetaeva, concept, poetry, lexeme, poetic text, picture of the world, opposition.

Исследование концептосферы того или иного художника слова является одним из актуальных направлений современной лингвистики.

Цель статьи – выявление частотности вербализации лексем «ложь», «обман» и периферийных лексем в поэтических текстах М. Цветаевой. Раскрытие смыслового наполнения названных субстанций позволит определить особенности художественного мышления поэта, некоторые структурные закономерности в построении цветаявской модели мира.

Методологическую основу работы составили исследовательские принципы, разработанные в лингвокультурологии (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов и др.), в психолингвистике (А. А. Залевская, В. А. Пищальникова), в когнитивной лингвистике (Л. О. Бутакова, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.).

Для реализации поставленной цели использованы метод лингвистического наблюдения и описания конкретных языковых фактов; метод компонентного анализа (анализ семантических компонентов прямых и переносных значений лексем); метод контекстуального анализа значений лексических единиц; метод сопоставительного анализа лексических единиц; когнитивный метод анализа художественного текста, а также синтезирующий, который рассматривает составляющие текста как изолированно, так и в их взаимоотношениях.

Материалом исследования послужили поэтические тексты Марины Цветаевой [1].

Вопрос о терминологической составляющей концепта и концептосферы постоянно находится в центре внимания ученых.

Значительный вклад в изучение концептов внесли ученые Московской (Н. Д. Арутюнова), Воронежской (З. Д. Попова, И. А. Стернин), Кемеровской (М. В. Пименова), Волгоградской (М. А. Алефиренко) школ, а фундаментальные труды Ю. С. Степанова раскрывают значимые аспекты концептологии.

В нашем понимании концепт – прием языкового маркирования авторского образа мира, представлений, знаний, мнений автора о реальной действительности, о возможности адекватного понимания читателем художественного текста, что связано с умениями и навыками получателя речи расшифровывать авторские смыслы.

Марина Ивановна Цветаева – выдающаяся русская поэтесса, создавшая уникальный и неповторимый художественный мир, в котором она могла подняться над обычными людьми, привычной жизнью, обыкновенной любовью.

Картина мира М. Цветаевой входит в ее поэтический мир и является его составляющей. Поэтический мир – эта та языковая действительность, с которой соотносится поэтический текст. Язык произведений поэтессы отражает философию языка в его развитии и динамике.

Концепты «обман», «ложь» – важные и многогранные в поэзии М. И. Цветаевой. В ее богатейшей концептосфере они являются связующим звеном между различными темами, поэтому отражают специфику ее поэтического мира.

Для начала проведем анализ лексико-семантического поля концепта.

Исходя из определений, данных в толковых словарях (таблица 1), мы можем выделить сле-

дующее: ложь – это намеренное искажение информации.

Таблица 1 – Словарные значения лексемы «ложь»

Словарь В. И. Даля	Словарь С. И. Ожегова	Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона
Лживить кого, что, изобличать во лжи, уличать неправду, ложь, стоять за истину	Намеренное искажение истины, неправда, обман	Сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине

Аксиологически значимая лексема «ложь» – намеренное искажение истины является весьма значимой в русском языковом сознании, так как соотносится с этическими ценностями человека. «Представление о двух мирах идет вразрез с верой, предполагающей единственность своего объекта. Их примиряет понятие подлинности: вера выбирает подлинный, правдивый мир и противопоставляет его лживому, мнимому. Оппозиция подлинного и мнимого – итог двоения мира и орудие двоения понятий, спасающее их от деградации» [2, с. 22].

«Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, ложь сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных бытийных ценностей» [3, с. 221].

История понятия «ложь» своими корнями уходит в историю рода человеческого (ср. отношения Адама и Евы). Всем известна библейская заповедь «не лжесвидетельствуй». Ларошфуко говорил, что «истина не сделает столько добра, сколько зла сотворит ложь под видом правды» [4]. Ложь является многоаспектным понятием, так как она имеет житейскую, философскую, логическую, психологическую, юридическую и лингвистическую сторону. Но в любом случае концепт «ложь» мы определяем в сравнении с правдой и наоборот. Названные понятия постоянно взаимодействуют, что отражается в стихотворных текстах М. Цветаевой: *Горько таить благодарность / И на чуткий призыв отозваться не смей, / В приближении видеть коварность / И где правда, где ложь угадать не сумеешь* («В ответ на стихотворение»); *Не сердись, мой Ангел Божий, / Если правда выйдет ложью* («Не сердись, мой Ангел Божий...»); *Возращение в жизнь – не обман, не измена. // Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша, / Все же сердце вернется из плена, / И вернется душа* («Не в нашей власти»). М. Цветаева говорит о том, что невозможно отличить правду ото лжи, границы данных понятий очень размыты.

В лирике поэтессы часто встречается идея двойственности: ложь может быть как разрушительной силой, так и способом спасения или бегства от суровой реальности. М. Цветаева исследует, как ложь и правда играют роль в любовных отношениях, страстях и личных драмах, подчеркивая тонкую грань между искренностью и самообманом.

Поэтесса для передачи сложности любовных отношений часто использует прием метафоры, «соединение несоединимого»: *Ты, меня любивший фальшью / Истины – и правдой лжи, / Ты, меня любивший – дальше / Некуда! – За рубежи!* (фальшь – неискренность, лицемерие) и истина – адекватное отображение того, что существует объективно; правда то, что существует в действительности и ложь – намеренно искажение истины). Невозможно объяснить смысл данных сочетаний с позиций семантики слов, но трактовка данной метафоры в контексте любовных переживаний реальна, так как она объясняет чувства и переживания героини.

Вся многоликость любовного чувства обретает слово в стихотворении «Ты, меня любивший фальшью...». Оно посвящено разрыву отношений с К. Родзевичем, написано в Чехии в 1923 г. Стихотворение поспешное, надрывное, недосказанное, будто вырванная запись из дневника, очень личное и искреннее. Обращение к лирическому герою с помощью местоимения «ты» в сочетании с трижды повторяющимся причастием прошедшего времени «любивший» указывает на угасшую любовь героя. М. Цветаева не только сообщает о сложности взаимоотношений пары, но и ставит под сомнение искренность переживаний адресата. В стихотворении «Ты, меня любивший фальшью...» соединились сама жизнь, любовь, ее торжество, сияние и счастье. В первый и в последний раз в ее любви пересеклись ранее несоединимые земля и небо, вечное и земное. То, к чему устремлялись, но так редко – так почти никогда! – не достигали, в сущности, поэты. Мираж, иллюзия, которые обернулись явью. М. Цветаева пишет эпитафию их страсти: *Ты, меня любивший фальшью / Истины – и правдой лжи, // Ты, меня любивший – дальше / Некуда! – За рубежи!*

Включенные пространственно-временные ориентиры, демонстрирующие мощь и масштаб земной страсти, заполняют собой все пространство, преодолевая «рубежи» границ, оказываясь выше привычных принципов хронологии. Картина торжества любовного переживания адресата завершается намеком на жест, сопровождающий клятвенный обряд, для описания которого выбран архаизм «десница».

Бурный поток эмоций неожиданно обрывается, уступая место нарочито спокойным, будничным интонациям финального двустипа. В нем меняется время лирического повествования: на читательский суд выносятся итог взаимоотношений влюбленной пары, относящийся к настоящему. Трагическое осознание катастрофы, краха прежнего счастья, терзающее душу героини, облечено в лаконичную и простую форму авторского афоризма. Внезапным прозрением объясняется возникновение мотива обмана, лжи, появившегося в первой части текста: восстанавливая в памяти минувшее, покинутая женщина начинает сомневаться в честности и искренности бывшего избранника.

Таким образом, любовь для М. Цветаевой, несомненно, это чаще всего жизненная трагедия, женская доля, путь страданий: *Ты, меня любивший дольше / Времени. – Десницы взмах! – / Ты меня не любишь больше: / Истина в пяти словах.*

Концепт «ложь» в данном стихотворении М. Цветаевой выглядит совершенно натуральным, он логично обоснован, у него четкая и понятная мотивация, которая создает ощущение правдивости, при этом ложь, которая не конфликтует с другими правдивыми словами / действиями / событиями / убеждениями, выглядит и звучит намного натуральнее, обоснованнее правды. Но, тем не менее, это ложь.

Об этом свидетельствует и следующий контекст: *Есть золотые кутежи. / И этот мой кутеж оправдан: / Шампанское любовью лжи – / Без патоки любовной правды!* («Скучают после кутежа»), в котором описание любовных переживаний происходит посредством использования антонимов *ложь* и *правда*. Объектные отношения построены на оппозиции (*шампанское лжи без патоки правды*), значение которой невозможно объяснить толкованием отдельных лексем (*шампанское* 'игристое виноградное вино', *патока* 'густое сладкое вещество, получаемое из крахмала'). Но в контексте использование данных лексем раскрывает сущность любви героини, как в первом, так и во втором контексте: неискренность, изменчивость, обманчивость любви.

Лирический герой в стихотворении М. Цветаевой совпадает с характером самой поэтессы, стремящейся обрести покой и благополучие, но в этой попытке он сталкивается с волнениями, терзающими его душу и тревожащими сердце. То же строение героя, который находится в поиске, в неутолимом стремлении найти счастье, просматривается и в других стихотворениях М. Цветаевой. Так, в стихотворении «Неподражаемо лжет жизнь» поэтесса рассуждает о значении жизни, в которой встречаются и ложь, и лицемерие, но, несмотря на это, автор восклицает, что жизнь, какой бы трудной и сложной не была, нельзя спутать ни с чем, она неповторима: *«Но по дрожанию всех жил / Можешь узнать: жизнь!»* Стоит обратить внимание, что автор намеренно показывает сердечные переживания героя, желая подчеркнуть его умение тонко чувствовать и анализировать окружающий мир и собственные желания. Даже книги, которые герой пытается прочесть, стремясь утолить свою неизвестную и необъяснимую жажду, он читает будто сердцем. Стихотворение затрагивает глубокие философские вопросы, ответ на которые автор так и не дает, оставляя читателя задуматься над столь непростым вопросом: *«Почему же ничто в этом мире / Не утоляет?»*. Разлом проходил по самому болезненному месту – принципам чести и совести. М. Цветаева остается в гордом одиночестве, сама со своими мыслями, ее не радует жизнь, а все больше пугает вопросами, ответить на которые не может никто. Поэтому и появляется концепт «ложь», который становится доминирующим в данном стихотворении.

М. Цветаева использует понятие «неподражаемо» не случайно. Она восхищается тем, как жизнь создает иллюзии, которые не только скрывают правду, но и делают ее более выразительной. Обман жизни становится актом творения, в котором есть нечто поэтическое и неповторимое. Границы между ложью и обманом размыты, часто именно иллюзии жизни придают ей красоту и смысл.

Стихотворение Марины Цветаевой «Неподражаемо лжет жизнь» является своеобразным внутренним размышлением о сущности жизни, ее иллюзиях и парадоксах. В этом произведении поэтесса выражает мысль, что жизнь сама по себе представляет нечто большее, чем просто последовательность фактов или событий. Ее обман – это не банальная ложь, а творческая иллюзия, которой невозможно подражать.

Марина Цветаева довольно часто использует в качестве изобразительно-выразительного приема авторское видение внутренней формы слова. Индивидуально-авторская мотивация возникает в результате сближения созвучных разнокорневых слов на основе их осмысления как мотивационно связанных в условиях контекста. На основе этого приема созданы целые стихотворения, например, из цикла «Жизни»: *Жизнь, ты часто рифмуешься с: лживо, – / безошибочен певчий слух! / ... Жизнь, ты явно рифмуешься с жиром: / Жизнь: держи его! Жизнь: нажим / жестокости у ножных костяшек / Кольца, в кость проникает рта! / Жизнь: ножи, на которых пляшет / Любящая. – Заждалась ножа.* В данном стихотворении из цикла «Жизни» прием индивидуально-авторской мотивации в сочетании с приемом звукописи актуализируют дополнительный смысл – сарказм. Текстовый ассоциативно-смысловый ряд на денотат жизнь содержит ассоциации: *лживо, жир, нажим, держи, ножи*, отражающие разочарование, обманутые ожидания некогда восторженной девушки. Это не восхищение жизнью, а прямой вызов ей. Происходит расширение значений слова *жизнь* за счет внесения дополнительных коннотативных оттенков (наращивание объективных смыслов с помощью эмоционально-оценочного компонента): в художественном сознании Марины Цветаевой жизнь – внешнее бытие, окружающая действительность – предстает как объект, чуждый внутреннему «я» лирического субъекта. Поэзии Марины Цветаевой свойственны образные корреляты индивидуального концептуального смысла 'жизнь как скопление всех бед и несчастий, выпадающих на долю человека за его недолгое пребывание на земле': так, жизнь – невыносимое мученье, жестокое наказание, тяжелая болезнь, тяжелое бремя, ад, орудие пытки и истязания человека, рельсы, ножи. Дополнительными к идее чуждости внешнего бытия лирическому субъекту компонентами становятся также представления о жизни-борьбе, в которой не хочет участвовать лирическая героиня, а также о ложной и лживой сущности жизни, ее неистинности, призрачности: *Жизнь, ты часто рифмуешься с: лживо...; Неподражаемо лжет жизнь, / Сверх ожидания, сверх лжи...*

Концепт «обман» можно отнести к периферийному понятию, которое очень тесно взаимодействует с ядерным концептом «ложь». В поэзии М. Цветаевой лексема «обман» имеет большую частоту употребления и связан с любовными переживаниями героини: *Обман сменяется обманом, / Рахилью – Лия. // Все женщины ведут в туманы: / Я – как другие* («А человек идет за плугом...»).

Одним из самых сильных стихотворений М. Цветаевой является «Я расскажу тебе – про великий обман», которое сделало поэтессу в глазах революционно настроенного народа крайне правой. Стихотворение написано от лица «я»-субъекта, обращающегося к «ты» (я расскажу тебе), но задействована здесь история и вечность (не случайно несколько раз повторяется слово век – *ветер веков, рокот веков, топот веков*). Перед нами *цыганский, романтический* (пришелец из египетских стран), *разбойничий, зажимающий* нож в узкой руке, образ. Анафорический повтор простого предложения «Я расскажу тебе...» готовит читателя к пониманию ключевого концепта «обман» и его синонима «ложь». Он способствует передаче глубоко личного восприятия поэтессой происходящего, своими впечатлениями она делится с читателем. Этому же содействует и избранная форма стихотворения – беседа с читателем, а местоимение «ты» указывает на доверительность беседы: так разговаривают с другом.

М. Цветаева не признает величия и неотвратимости происходящего, его влияния на дальнейшее развитие страны. Она подчеркивает неопределенность происходящего, сама видит его как «*великий обман*», но понимает, что окончательную оценку этим событиям даст «*рокот веков*», ведь только время все расставляет на свои места.

Марина Цветаева не принимает земной мир, который кажется ей не только несовершенным, но и неискренним. Для нее этот мир – низкий, ограниченный, бездушный и бездуховный, а эта убогая, некрасивая, скучная жизнь – прозаическое, убийственное для души и духа существование. Иное дело – мир грез и сновидений, в котором душа поэта жаждала иного бытия, «неземной реальности», тосковала по тому, чего нет и никогда не будет в этой жизни. Ее мифы были не просто мечтой, а идеалом, совершенными видениями. Тоска по отсутствующему желаемому, по несбыточному «здесь» рождает мечту о лучшем мире «там», и силой мечты творится мир цветаевских высоких и чудесных вымыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цветаева, М. И.* Избранные произведения / М. И. Цветаева. – М. ; Л. : Совет. писатель, 1965. – 812 с.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Истина: фон и коннотации / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 21–30.
3. *Маслова, В. А.* Когнитивная лингвистика : Учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
4. *Максимы / Франсуа де Ларошфуко*; [пер. с фр. Э. Линецкой]. – СПб. : Амфора, 2000. – 285 с.
5. *Цветаева, М. И.* Избранные произведения: В 2-х т. / М. И. Цветаева. – Нью Йорк, 1979.

М. Цветаева любит мифологизировать. Ее миф, постепенно превращающийся в высокую истину, был поэтессе очень дорог: «Нет низких истин и высоких обманов, есть только низкие обманы и высокие истины» [5, т. 2, с. 298–359]. Миссия поэтессы как раз и заключается в том, чтобы низкому обману противопоставить высокую истину, опровергнуть низкий вымысел – и тем самым защитить, восстановить высшую правду.

Наряду с концептом «ложь / обман» в поэзии М. Цветаевой используется и понятие «измена», которое является многослойным и тесно переплетающимся с личной биографией поэтессы. Она делится своим опытом, философским отношением к любви. У М. Цветаевой измена редко представляет предательство, а скорее воспринимается как понятие «экзистенциальной неизбежности», трагедия чувства и даже форма самопожертвования: *Возращение в жизнь – не обман, не измена. // Пусть твердим мы: / «Твоя, вся твоя!» чуть дыша, / Все же сердце вернется из плена, / И вернется душа. // Эти речи в бреду не обманны, не лживы, / (Разве может солгать, – ошибается бред!)* («Не в нашей власти»); *Сердце, измена! / – Но не разлука! // И воровскую смуглую руку / К белым губам* («Сердце, измена...»).

Измена в поэзии М. Цветаевой – не бытовая, а философская категория, с помощью которой проявляется свобода и боль. Она не судит измену, а показывает ее как неизбежного спутника большой любви, как следствие столкновения противоположных сторон человеческой души.

Особенности вербализации концепта «ложь» представлены в следующей таблице:

Ложь	Обман	Измена
20	30	10

Таким образом, в текстах М. Цветаевой концепт «ложь» в сочетании с сопоставимыми компонентами представлен в достаточно большом количестве. Обращает на себя внимание, что периферийная лексема концепта «обман» более частотна, что связано с восприятием окружающего мира и отношением с противоположным полом. В ее произведениях тема лжи часто переплетается с глубокими размышлениями о человеческих чувствах, отношениях, правде и иллюзиях. Ложь для Цветаевой – это не просто обман, но и творческий элемент, создающий новые реальности, а также искажающий привычное восприятие и выводящий читателя за пределы очевидного.

REFERENCES

1. *Cvetaeva, M. I.* Izbrannye proizvedeniya / M. I. Cvetaeva. – M. ; L. : Sovet. pisatel', 1965. – 812 s.
2. *Arutyunova, N. D.* Istina: fon i konnotacii / N. D. Arutyunova // Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty. – M. : Nauka, 1991. – S. 21–30.
3. *Maslova, V. A.* Kognitivnaya lingvistika : Uchebnoe posobie / V. A. Maslova. – Minsk : TetraSistems, 2004. – 256 s.
4. *Maksimy / Fransua de Laroshfuko*; [per. s fr. E. Lineckoj]. – SPb. : Amfora, 2000. – 285 s.
5. *Cvetaeva, M. I.* Izbrannye proizvedeniya: V 2-h t. / M. I. Cvetaeva. – N'yu Jork, 1979.